

ЭКРАН И СЦЕНА

24 мая

- с. 8-9

ОТКРЫТЫЙ

АРХИВ

Георгий ТОВСТОНОГОВ:

«РЕДКО МЫ УМЕЕМ СКАЗАТЬ
КОЛЛЕГЕ ДОБРОЕ СЛОВО!»

В кабинете, расположившемся на третьем этаже, слева от зрительного зала Ленинградского Большого драматического театра, все так, как было при жизни его владельца — Георгия Александровича Товстоногова. Но хотя вещи те же и с места не сдвинуты, смотрится кабинет по-другому. Душа ушла, и многое ушло вместе с ней, и чем дальше, тем больше это чувствуется. Театр это на самом деле чувствует, а не считает своим долгом чувствовать. Спектакли ведь по-прежнему надо ставить, в работе потеря ощущается особенно болезненно. Ситуация драматическая, иначе не скажешь.

Бумаги Товстоногова еще до конца не разобраны, тем более не изучены. Маленький предбанник завален папками, конвертами, кажется, всего много, но техника сыграла с архивистами да и с нами злую шутку. Зачем писать друг другу, если можно поговорить по телефону? Или сесть в самолет и обсудить все вопросы с глазу на глаз?

Этой возможностью — «с глазу на глаз» — Товстоногов, судя по первому прикосновению к архиву, пользовался охотно. Письма и телеграммы его и к нему, конечно, есть, но это, скажем, не переписка Мейерхольда, не

«роман в письмах». Здесь таких «романов» не вычитаешь, пространные «сюжеты» не сложишь. Но короткие есть, например шукшинский, радостный и горький одновременно.

Сюжет радостный хотя бы потому, что необыкновенно — по нашим привычкам — коротки были сроки, в которые Товстоногов поставил «Энергичных людей». 19 апреля 1974 года пьесу начали репетировать, 25 июня сыграли, а до того она была в театре буквально считанные дни. Автор приехал в Ленинград, записал ремарки «Энергичных людей» на пленку, и голос его звучит в спектакле по сей день.

Что встреча доставила радость обоим видно по фотографии. Актер и режиссер на ней веселы, победительны, и хотя Шукшин перед премьерой волновался — его письмо тому свидетельство, — атмосфера работы настраивала на оптимистический лад.

Уважаемый Георгий Александрович!

Вышла возможность передать Вам привет — передал. А попутно хочу спросить: как? Это так «попутно», что у меня от волнения шариковая ручка спотыкается — нервничаю.

Вот что хочу спросить:

не назовете ли день в июне (от 16 до 20), я бы сумел приехать на день. Охота.

Передайте, пожалуйста, привет вашим близким! Желаю здоровья! Крепко жму Вашу рабочую руку!
В. ШУКШИН.

7 июня 1974 г.

Отношения, сразу сложившиеся, оборвались трагически — Василия Макаровича не стало, и в театр пишет уже не сын, мать — Мария Сергеевна.

«Получила я от вас бандероль пленки с записью моего милого сыночка. Господи, да вы, наверно, не представляете мою радость. Господи, я согласна и день и ночь слушать...»

Я не ждала, вдруг входит почтальон, у меня сердце остановилось стучать...

Люди, сыны мои родные, да он столь много говорит, мы слушали и плакали. Вот так подумаешь, ну как, мог человек умереть! До последнего дыхания работал, выполнял свою роль да еще ночами писал, во всей ночи. Загнал свое сердечко, больше не могло стучать.

Милый мой дитенок, унес он у меня последнее здоровье. Ну ладно...

С глубоким уважением и любовью к вам — Мария
(Окончание на 8—9-й стр.)

24/5-90

Товстоногов Г. А.

В. Шукшин и Г. Товстоногов — энергичные люди.

**М. А. СУСЛОВУ,
секретарю ЦК КПСС**

Глубокоуважаемый Михаил Андреевич! Народные артисты Советского Союза С. А. Герасимов и Р. Я. Плятт обратились к Вам с заявлениями, в которых содержится высокая оценка фильма режиссера А. Я. Аскольдова «Комиссар» и просьба содействовать выходу его на экран. Мне известно, что вокруг этого очень талантливого кинофильма искусственно создана ненормальная атмосфера, и поэтому я разделяю надежды моих товарищей по искусству на то, что этот вопрос сможете решить Вы, дорогой Михаил Андреевич. А решить этот вопрос настоятельно необходимо, так как речь идет о произведении, нужном нашей Партии, нашему народу.

Фильм «Комиссар» поднимает действительно крупные проблемы большого идейно-политического содержания: революционной убежденности, пролетарского интернационализма, рождения новых человеческих отношений в огне революционных преобразований. Ведь все наши нынешние дела — прямое и непосредственное продолжение великого дела Октября, а так важно, чтобы это постоянно и глубоко осознавалось массами.

Опираясь на свой жизненный и творческий опыт, я считаю, что эти проблемы в фильме «Комиссар» поставлены и решены ясно и недвусмысленно. И со всей ответственностью утверждаю, что в фильме Аскольдова очень искренно, с партийных позиций воссоздана атмосфера гражданской войны и ее суровая человеческая правда, и ее романтика, и ее жизнеутверждающая патетика, что, на мой взгляд, сегодня имеет исключительное нравственно-воспитательное, пропагандистское значение для нашего, советского и для зарубежного зрителя.

Хочу специально сказать о центральном образе фильма — комиссаре Клавдии Вавиловой. (На мой взгляд, лучшая роль выдающейся нашей актрисы Нонны Мордюковой). Вавилова предстает в фильме в необычной ситуации, и это дает возможность нестандартно, исключительным образом выразить большевистскую сущность Вавиловой, обычной русской женщины, комиссара. Считаю, что

разработка этого характера находится в русле традиции классических образов советского искусства, таких, как «Евгений А. Фадеева», «Сорок первый» Е. Лаврентева, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского.

Твердая непреклонность, беззаветное служение революционному долгу, одухотворенность коммунистическим идеалом, и вместе с тем человеческая простота, светлое чувство материнства, способность понять; проникнуться заботами и надеждами «маленького человека», высочайший и естественнейший в своих проявлениях интернационализм мышления и поступков — вот тот жизненный сплав, из которого сработан образ Вавиловой в фильме «Комиссар».

Фильм венчает подвиг Вавиловой, она погибает в бою ради жизни будущих поколений, ради торжества наших идеалов.

21 марта с. г. в «Правде» я прочитал статью старшего нашего кинодраматурга Евг. Габриловича. Он с грустью констатирует, что на наши экраны беспрепятственно выходит много серых, безжизненных, невразительных, а, порой, не побоюсь этого слова, бездейственных фильмов. И вот на этом фоне особенно необъяснимо, почему кинокартина «Комиссар», действительно высокохудожественное и высокоидейное произведение киноискусства, на основе всякого рода придирок и неоправданных истолкований подвергается остракизму.

Дорогой Михаил Андреевич, я искренно изложил Вам свою точку зрения по данному конкретному вопросу. Прошу Вас учесть мою позицию, вмешаться в несправедливое течение дел и помочь исправить ошибку, в результате которой положен в архив боевой, советский фильм.

Март 1973 г.

**А. Е. КОРНЕЙЧУКУ,
члену ЦК КПСС**

Дорогой Александр Евдокимович! Несмотря на то, что читка Вашей пьесы на коллективе театра вызвала всеобщий интерес и артисты выразили глубочайшее уважение к Вам и Вашему желанию продолжать наше творческое содружество, говоря конкретно о

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Сергеева и Наташа, Сережа, Надя — это внуки мои, Наташины дети...».

И еще несколько писем в архиве, и говорят они об окружении театра, о людях, которых он улек своим творчеством. Однако оставим до времени эти свидетельства и обратимся к тому, что писал сам Товстоногов. В этом больше и яснее проступает одно: от нас ушел не только превосходный, талантливый режиссер (великий, как, не остергаться, сказал о нем недавно Даниил Гранин). Ушел Строитель театра. Не только своего — Большого драматического, — стенограммы репетиций, обсуждений, художественных советов открывают, как в совместном

творчестве менялись, становились тоньше, глубже, острее люди, работавшие с ним бок о бок. Ушел Строитель русского театра как целостности, как необходимого звена русской культуры.

...Вот письмо к М. А. Суслову. Теперь, конечно, «наверх» можно писать и не так: другими словами, в другом стиле. Но это письмо было отправлено не теперь. Слова идут те, какие тогда были обязательны — как в прошениях на «высочайшее имя». Но за словами явно видно одно: защита культуры от некомпетентных посягательств. Яственна и способность трезво чувствовать жизнь, с которой надо совладать, но нельзя не считаться.

Знание и преданность главному в жизни диктовали

ему гибкость и разнообразие средств. Там, он хорошо знал А. Е. Корнейчуку, ставил его «Гибель эскадры», но в «Страницах дневника», несмотря на толерантность послания, отнесся твердо и неуступчиво. Плохую, во всех отношениях пьесу в театр не взял.

О Товстоногове как о художнике, принадлежащем своему поколению и не стремящемся во что бы то ни стало «обжать за комсомолом», говорит выбор пьес: «новая волна» его всерьез не ушла.

При этом его остро интересовали люди, которые работали не так, как он сам. Спектакль Юрия Любимова, Марка Захарова он старался не проглотить, смотрел их прилежно. Однажды в частном разговоре на вопрос — почему еще так хо-

чется работать в Москве, он серьезно ответил, что ему необходимо талантливое окружение, которого в то время в Ленинграде не было. Что недосело быть первым.

Талант, одаренность он распознавал точно же и готов был всегда об этом сказать. Письмо к А. А. Гончарову, переписка с М. А. Захаровым — и об этом. В его письмах, в его жизни проступает то же, что отличает его творчество. Безупречность логических построений, крутость, выверенность мысли не мешают, но поддерживают увлеченность. Он пишет В. М. Ивченко, теперь одному из ведущих актеров БДТ, так, как можно писать только коллеге, желаемому сотруднику: откровенно и серьезно. Не «заманивая», не суля

«звездных» успехов, но в надежде на дальние планы, без которых он не мыслил и своего существования. И какими неожиданным для тех, кто не знал его близко, любящим, нежным, открытым предстает он в обращении к Михаилу Туманишвили.

Чувство собственного достоинства было для него неотрывно от того, что называется достоинством искусства. Это было неоспоримо для всех в главном, но проявлялось и в «мелочах», которые на самом деле мелочами не были, оттого и вызвали письмо к Г. П. Опоркову.

Мы потеряли человека, без которого в жизни стало хуже...

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

● «Женитьба» — одна из первых самостоятельных работ Г. Товстоногова, 1934 г.
● Роль шпиона в пьесе «Путь далекий» на сцене Тбилисского театра, 1931 г. (Актеру — 16 лет. Он студент).

**Георгий ТОВСТОНОГОВ:
«РЕДКО МЫ УМЕЕМ СКАЗАТЬ
КОЛЛЕГЕ ДОБРОЕ СЛОВО!»**

пьесе «Страница дневника», товарищи усомнились в целесообразности ее постановки на нашей сцене.

Я хочу быть с Вами до конца откровенным. Вы, как умный и тонкий человек, не могли не почувствовать, что и в первой читке на художественном совете Ваша пьеса не нашла у меня настоящего отклика. Но дело было слишком серьезно, чтобы решать спорах. Сейчас, по прошествии времени и особенно после читки на коллективе, стало ясно, что пьеса наш театр по-настоящему не увлекла.

Вы понимаете, что, учитывая мое горячее желание продолжать нашу творческую и личную дружбу, мне нелегко писать Вам все это, но я всегда верил, что в настоящей дружбе правда и искренность всего дороже.

Вот почему я глубоко убежден, что этот частный случай не может отразиться на добрых наших отношениях.

С глубоким уважением

1965 г.

А. А. ГОНЧАРОВУ

Дорогой Андрей! Несколько дней назад, побывав в Москве, я посмотрел в твоем театре два спектакля, и у меня появилась потребность написать тебе несколько дружеских слов.

Дело совсем не в моих оценках, конечно же, ни для кого не обязательных. Мне не слишком понравилась, к примеру, пьеса Брошневича, показавшаяся мне рационально-придуманной, претенциозной и многозначительным «модерном».

Но зато сценическое ее выражение, все, что относится к режиссуре, актерской работе, театральной культуре зрелища — превосходно! Я не все принял в захаровском «Разгроме» (особенно в первой части), кое-что показалось мне лишним и для меня чужим. Но в целом это волнующий и интересный спектакль.

Какой ты молодец, что ты позвал Захарова! Это, судя по всему, очень даровитый человек, и этот спектакль, вероятно, многое определит в его дальнейшей творческой судьбе. Повторяю, дело не в моих оценках.

Наша режиссерская корпорация живет по противным законам, и редко, слишком редко мы умеем сказать коллеге доброе слово!

Мне захотелось сказать главное: тебе в короткий срок удалось сделать в Москве театр!

Поверь, что я знаю «почем» это стоит и желаю тебе одного: так держаться!

Жму руку — твой Гога.

Февраль 1970 г.

М. А. ЗАХАРОВУ

Дорогой Марк Анатольевич! Прочтя Вашу замечательную статью о молодых режиссерах, мне захотелось поздравить Вас с Новым годом, пожелать Вам всего доброго и новых творческих свершений.

Хочется, чтобы Вы знали, что я считаю Вас самым интересным и перспективным лидером сегодняшнего театрального процесса и по себе знаю, как важно это вовремя услышать. Еще раз всего Вам доброго

Поздравление М. Захаров получил. В ответ прислал письмо:

Дорогой Георгий Александрович, дорогой Учитель! Спасибо Вам за ваше трогательное письмо — прекрасный новогодний подарок. Я Вас тоже хочу поздравить с 80-летием первой русской революции и заверить, что все Ваши слова, поступки, мысли и сочинения для меня, как и для большинства людей, работающих в театре, — редкий и бесценный дар. Спасибо, чтобы Вы ни в чем не сомневались — прилагаю печать.

Ваш — Марк Захаров.

Декабрь 1984 г.

**В. М. ИВЧЕНКО
(в то время артисту Театра
им. Н. Франко)**

Уважаемый Валерий Михайлович!

Прежде всего я хочу извиниться за задержку с ответом. Дело в том, что я только что вернулся из зарубежной командировки и Ваше письмо мог прочесть только вчера — 30 апреля.

Теперь по существу. Ваши сомнения и известные колебания совершенно естественны и очень мне понятны. Уж очень ответственный и решительный шаг предстоит Вам совершить в жизни, и всегда в таких случаях содержится доля риска. Но, как известно, риск бывает двух видов: осмысленный и перспективный, с большими шансами на выигрыш и огорительный и неумный.

Я глубоко убежден, что в данном случае мы оба идем на риск первого типа.

Вам должно быть понятно, что такое приглашение не могло последовать с моей стороны без твердой веры в то, что Вы в ближайший, обозримый отрезок времени станете одним из ведущих артистов БДТ.

Это первое и главное. Уход Олега Борисова не ставит Вас в положение заменяющего его артиста (уж слишком различны Ваши индивидуальности), но высоту его положения Вы должны с моей помощью, естественно, достичь неукоснительно.

Из Вашего письма (вернее из его подтекста) я понял, что Вам хотелось бы знать о реальных ролях, на которые Вы могли бы рассчитывать. Я называю одну, но она Вам о многом скажет. Сатири в горьковском «На дне», естественно, не в привычном и традиционном понимании. Все остальное как бы отсюда вытекает, тем более, что мне представляется, что Вашему дарованию свойственны и юмор, и эксцентрика, и острая характерность.

Важно только одно — Вы должны настроиться как бы на бег на длинную дистанцию.

В театре нашего типа все происходит несколько медленнее, чем в других. Вам с самого начала надо этот новый закон творческой жизни твердо усвоить и запастись терпением. Способ художественной жизни другой. Орленев, как известно, сыграл за всю свою жизнь около 700 ролей, а Хмелев — 7! А имена их стоят рядом! Конечно, это парадокс. Вы сыграете, я уверен, много больше, чем Хмелев, но я говорю о принципе.

Я очень хочу и жду нашей творческой встречи, рассчитанной на длительный период (хотя только Бог знает, сколько нам отпущено). Я говорю о себе, учитывая разницу в возрасте.

Жду Вас в начале сентября, так как 15 сентября театр уезжает до 10 октября в Японию. Всего Вам доброго, с уважением

Май 1983 г.

М. ТУМАНИШВИЛИ

Дорогой Миша!

Только что дочитал Вашу книгу и не могу не написать Вам о том глубочайшем впечатлении, которое она на меня произвела. Вы, вероятно, помните, что я не склонен в таких вопросах к излишней экзальтации, но в этом случае я без всякого преувеличения хочу Вам сказать, что я восхищен Вашей книгой! Более того, не могу не сказать, чтобы быть правдивым до конца (как Вы сумели это сделать в своей книге), что, прочтя ее, я испытал чувство глубокой зависти и неисклю этого не стыжусь, потому что Вам удалось сделать в своей книге то, что не удавалось никому из нашей профессии, включая меня самого, Эфроса и всех других режиссеров нашего поколения, бравшихся за перо.

Эта книга — исповедь настоящего художника и честного, доброго, искреннего человека. За всем этим звучит трагическая нота одиночества художника, за всем этим талант истинно режиссерский в высшем смысле этого слова. И получилось это помимо Вас, как бы независимо от Вас, потому что по тексту, Ваша книга изобличает еще удивительно скромного человека.

Мне очень жаль, что столько десятилетий (всю жизнь, по существу) мы с Вами не общались, не встречались при таком взаимном влечении друг к другу. Сколько потеряно для нас обоим!

Поверьте, что я пишу все это совсем не в благодарность за добрые слова, сказанные в Вашей книге в мой адрес. Я как-то был уверен, что Вы иначе и не могли бы написать: так складывались наши отношения во время учебы. Вот почему я был очень удивлен, прочтя о чем-то интеллектуальном и злом навете, что я будто бы «пренебрежительно» отозвался где-то о Вас. Удивился на навету — это в порядке вещей в нашем мире — а что Вы могли в это поверить. Это не могло быть, потому что... это может быть не могло! Другой логики я найти не могу.

Еще раз спасибо за книгу. Крепко обнимаю Вас. Горжусь Вами

31 марта 1984 г.

Г. П. ОПОРКОВУ

Уважаемый Геннадий Павлович!

Мне очень неприятно обращаться к Вам с подобной просьбой, но я вынужден снять свое имя с афиши спектакля «Вестсайдская история». Дело в том, что почти за 5 лет, пока идет этот спектакль на сцене театра Ленинского комсомола, произведены вводы, которые не отвечают моим требованиям к спектаклю, разрушились взаимоотношения героев, сместились акценты произведения, то есть в настоящее время идет спектакль, за который я не могу ни в коей мере отвечать и не имею права считать себя в числе его авторов.

Я уже обращался с подобной просьбой к Р. С. Милонову, но он убедил меня продлить существующее положение до конца летних гастролей. Он обещал также выполнить мою просьбу в более удобный момент. Сейчас, я считаю, такой момент настал.

Май 1974 г.

Публикация Комиссии по наследию Г. А. Товстоногова.